

Научная статья

УДК 159.9+316.6+371

doi: 10.15293/1812-9463.2201.09

Распространенность кибербуллинга в образовательной среде

Андронникова Ольга Олеговна

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, andronnikova_69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1756-7682>

Аннотация. Киберзапугивание на протяжении всей образовательной жизни продолжает оставаться серьезной проблемой для части учащихся. Несмотря на множество высококачественных исследований, проведенных за три десятилетия, проблема по-прежнему актуальна и требует безотлагательного решения. Настоящая статья посвящена изучению природы и распространенности киберзапугивания, потенциально полезных вмешательств его профилактики и коррекции последствий. В статье дан обзор современных представлений о киберзапугивании, механизмах кибервиктимизации, последствий для участников. Приведены результаты исследования распространенности кибербуллинга с использованием сети интернет, в рамках которого была оформлена гугл форма с вопросами о кибербуллинге. В исследовании приняли участие 156 участников, распределенных на три группы: школьники старших классов (14–17 лет) – 65 человек (Г1), учащиеся профессиональных училищ (14–17 лет) – 46 человек (Г2), студенты вуза (17–19 лет) – 45 человек (Г3). Результаты показывают распространенность киберзапугивания во всех возрастных группах, не зависимо от типа обучения. Это опосредует необходимость мероприятий по профилактике киберзапугивания и разработку технологий коррекции состояния жертв.

Ключевые слова: киберзапугивание, буллинг, виктимизация, факторы и последствия кибербуллинга, образовательная среда, профилактика кибербуллинга

Для цитирования: Андронникова О. О. Распространенность кибербуллинга в образовательной среде // Вестник педагогических инноваций. 2022. № 1 (65). С. 83–93. <https://doi.org/10.15293/1812-9463.2201.09>

Original article

Prevalence of cyberbullying in the educational environment

Andronnikova Olga Olegovna

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, andronnikova_69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1756-7682>

Abstract. Cyberbullying throughout the educational life continues to be a serious problem for some students. Despite many high-quality studies conducted over three decades, the problem is still relevant and needs to be addressed urgently. This article is devoted to the study of the nature and prevalence of cyberbullying, potentially useful interventions for its prevention and correction of consequences. The article provides an overview of modern ideas about cyberbullying, the mechanisms of cybervictimization, and the consequences for

participants. The results of a study of the prevalence of cyberbullying using the Internet are presented, within the framework of which a Google form was issued with questions about cyberbullying. The study involved 156 participants divided into three groups: high school students (14–17 years old) – 65 people (G1), students of vocational schools (14–17 years old) – 46 people (G2), university students (17–19 years) – 45 people (G3). The results show the prevalence of cyberbullying across all age groups, regardless of the type of education. This mediates the need for measures to prevent cyberbullying and the development of technologies for correcting the condition of victims.

Keywords: cyberbullying, bullying, victimization, factors and consequences of cyberbullying, educational environment, prevention of cyberbullying

For citation: Andronnikova O. O. Prevalence of cyberbullying in the educational environment // Journal of Pedagogical Innovations. 2022;(1(65)):83–93. (in Russ.). <https://doi.org/10.15293/1812-9463.2201.09>

Введение. Травля (запугивание, буллинг) – это агрессивное, преднамеренное действие, совершаемое неоднократно группой лиц или отдельным лицом против жертвы, которая не может себя защитить. С появлением электронных коммуникаций (сети Интернет и мобильных телефонов) появилась новая форма насилия, т. е. кибербуллинг (киберзапугивание). Киберзапугивание определяется как «умышленное и неоднократное причинение вреда с помощью компьютера, мобильных телефонов и других электронных устройств» [16]. Существует подход, который разводит понятия кибербуллинга и киберзапугивания, однако в данной работе это понятия используются как идентичные.

За последнее десятилетие вопросы киберзапугивания все больше привлекают внимание специалистов психологов, педагогов, социальных педагогов. Распространенность явления выступает причиной для беспокойства учащихся и их родителей, особенно в контексте современных исследований, отмечающих, что последствия киберзапугивания (кибервиктимизация) могут проявляться на протяжении всей жизни.

В современной научной литературе принято два основных подхода к пониманию киберзапугивания: как нового, самостоятельного явления и как расши-

рения привычных форм буллинга. Рассматривая киберзапугивание как новую форму традиционного издевательства, авторы опираются на представление D. Olweus [20], который определяет его традиционно как – повторяющиеся с течением времени, связанное с дисбалансом сил между агрессором и жертвой, с намерением причинить вред. D. Olweus предпочитает рассматривать киберзапугивание как расширение традиционного буллинга в виртуальный мир [20]. Автор отмечает низкую распространенность «чистого» киберзапугивания, без сопровождения буллинга традиционными способами в «реальном» мире.

E. Larranaga, S. Yubero, R. Navarro, A. Ovejero (2019) [17]; A. Schultze-Krumbholz, et al. (2015) [27]; M. Boulton, J. Lloyd, J. Down, H. Marx (2012) [6] и другие исследователи рассматривают киберзапугивание как явление отличное от традиционного издевательства (буллинга). Авторы обнаружили структурные различия в киберзапугивании по сравнению с традиционным буллингом. В первую очередь выделяют такие особенности как: способность киберзапугивания вторгаться во все аспекты частной жизни жертвы, вне зависимости от времени суток и места (дом, образовательное учреждение) [17]; анонимность воздействия (при этом агрессором

может быть даже близкий друг) [27]; вирусность вредоносного действия; усиление влияния однократного воздействия (откровенные фото жертвы, распространяются в сети, оставаясь там все время, приводя к серьезному ущербу) [6]. Все это приводит к усугублению дистресса кибер-жертвы. Однако последствия испытывают не только жертва и агрессор, но и группа поддержки, распространяющая негативную информацию ради развлечения [8].

Среди форм киберзапугивания в различных исследованиях выделяются такие как: распространение неприятных слухов; высмеивание или унижение человеческого достоинства; неприятные комментарии, размещенные в Интернете; социальная изоляция; сексуальные домогательства; флейминг; преследование; угрозы кому-либо в онлайн форме; интернет-опросы с оскорбительным содержанием (например, «Кто самая большая шлюха 8-го класса»); раскрытие личной информации о человеке, которая была передана конфиденциально и др [3].

С нашей точки зрения киберзапугивание имеет общую природу возникновения с традиционными формами буллинга (травли), однако, несомненно обладает специфическими характеристиками своего течения и более выраженными последствиями, что приводит к необходимости выделения данного вида травли в отдельную категорию для более внимательного изучения его течения, специфики возникновения, последствий для жертвы и разработки технологий предотвращения и коррекции последствий.

Анализ существующих в настоящий момент исследований киберзапугивания позволяет сделать вывод, что основной пул работ посвящен изучению ситуации в школе [19; 24], однако появились исследования, рассматривающие киберзапугивание на протяжении всего периода

обучения, то есть от начальной школы до университета [7; 15; 19]. С. Jenaro, N. Flores, C. P. Frías (2018), проводя анализ распространенности, способствующих факторах, краткосрочном и долгосрочном воздействии и роли сторонних наблюдателей в киберзапугивании отмечают, что воздействие киберзапугивания может быть столь же серьезным среди взрослого населения, как и среди детей [15]. Сравнение специфики киберзапугивания во взрослом и детских возрастах позволило авторам выявить буферный эффект таких факторов как: личные особенности, влияние социальной окружающей среды. При этом как наиболее влиятельные переменные авторы выделяют эмоциональный интеллект человека и качество социальной поддержки (в школе и обществе). Это согласуется с нашими данными по изучению виктимизации подростков [1].

Перечень кратковременных и долгосрочных негативных последствий для жертв киберзапугивания достаточно обширен. Среди краткосрочных последствий отмечают: сильные негативные эмоции (гнев, боль, печаль, смущение, тревога); депрессивные состояния; снижение успеваемости; трудности с концентрацией внимания; тревожное поведение; психосоматические проблемы; социальная изоляция и нарушение способности формировать новые социальные отношения; самобичевание; страх; суицидальные мысли [2; 10; 26].

Как максимально значимые долгосрочные последствия кибервиктимизации авторы выделяют:

1. Нарушение психического здоровья, включая депрессию, социальную тревожность, склонность к самоубийству [25; 26].

2. Снижение самооценки жертвы, нарушение идентичности [14].

3. Социальная изоляция от сетей и сверстников [5; 12].

4. Нарушение способности формировать новые социальные отношения [10].

5. Девиантное поведение [5].

Данные о преимуществах выстроенных в рамках киберзапугивания моделей поведения [11] говорят о том, что не только поведение жертвы, но и агрессора закрепляется и продолжает оставаться успешной стратегией для улучшения его социального статуса [8; 22], при возрастании со временем нечувствительности к страданиям других [21].

С учетом того, что в киберзапугивании участвуют многие дети, страдают не только преступники и жертвы, но и свидетели, которые просматривают негативные онлайн-сообщения и вредоносные видеоклипы, попадая в ловушку моральной дилеммы, и которые, в свою очередь, могут пересылать их другим людям в качестве развлечения. Получая одобрение группы сверстников и популярность в сети, через процесс морального отчуждения, они продолжают использовать этот метод отношений с другими как средство получения признания на протяжении всей жизни, что приводит к нарушению психического здоровья, социальной некомпетентности и антиобщественному поведению [8; 9].

Рассматривая виктимизацию через киберзапугивание ряд авторов обратили внимание, что явление имеет более широкий охват, чем общее образование. Исследование A. Arafat, S. Senosy (2017) показывают, что киберагрессия присутствует в профессиональном образовании и даже в рамках трудовых отношений [4].

Таким образом, из-за глобального присутствия платформ социальных сетей и цифрофизации в жизни современного человека и распространенности агрессивного онлайн-поведения, такого как кибербуллинг, появляется острая потребность в исследованиях киберзапугивания в том числе в секторе профессионального образования.

Методология и методы исследования. Исследование проводилось с использованием сети интернет, в рамках которого была оформлена гугл форма с вопросами о кибербуллинге. Респондентам задавались вопросы, по аналогии с исследованием P. L. Lindfors, R. Kaltiala-Heino, A. H. Rimpelä [18], сформулированные следующим образом: 1) В течение последнего года подвергались ли вы травле по мобильному телефону или через Интернет? Предлагались четыре варианта ответа: а) несколько раз в неделю, б) примерно раз в неделю, в) реже одного раза в неделю, и г) никогда. 2) Если над вами издевались по мобильному телефону или через Интернет, насколько они мешали вашей жизни? Предлагались четыре варианта ответа: а) издевательство серьезно влияли на мое здоровье, б) издевательство не очень сильно влияли на мое здоровье, в) издевательство были несерьезными, и d) надо мной не издевались. 3) За последний год над вашими друзьями или приятелями издевались по мобильному телефону или через Интернет? Предлагались пять вариантов ответов: а) нет, б) один из моих друзей подвергался издевательствам, в) от 2 до 3 моих друзей подвергались издевательствам, г) 4 или более моих друзей подвергались издевательствам, и д) у меня нет друзей. Те, кто положительно отвечал на данный вопрос (варианты б, с или d) были определены как свидетели киберзапугивания. 4) Вы запугивали или участвовали в запугивании других по мобильному телефону или в Интернете в течение последнего года? Предлагались четыре варианта ответа: а) несколько раз в неделю, б) примерно раз в неделю, в) реже одного раза в неделю, и г) никогда.

В исследовании приняли участие школьники старших классов (14–17 лет) – 65 человек (Г1), учащиеся профессиональных училищ (14–17 лет) – 46 че-

ловек (Г2), студенты вуза (17–19 лет) – 45 человек (Г3). Общая выборка 156 человек. Из них 63 мальчика и 93 девочки. Полороловое распределение в группах было равным: мальчиков ответивших на вопросы в каждой группе меньше, чем девочек. При анализе ответов выделялись три измеряемых аспекта киберзапугивания: кибер-жертва, кибер-агрессор, свидетели киберзапугивания друзей.

Анализ результатов. 31 % подростков указали на присутствие хотя бы одного из измеряемых аспектов киберзапугивания (кибер-жертва, кибер-агрессор, свидетели киберзапугивания друзей). При ответе на первый вопрос большинство из положительно ответивших на данный вопрос отмечали, что сталкивались с киберзапугиванием примерно 1 раз в неделю. Чаще чем 1 раз в неделю сталкивались 7 % респондентов. При этом достоверно выше ($p < 0,05$) количество подростков сталкивающихся с киберзапугиванием среди возрастной группы 14–17 лет по сравнению с группой 17–19 летних. Достоверной разницы между группами Г2 и Г3 не обнаружено. Таким образом, наблюдается возрастная разница столкновения с киберзапугиванием, при отсутствии разницы, связанной с типом учебного заведения (школа или профессиональное училище). При этом чаще всего те, кто отмечал, что сталкивался с кибербуллингом выступали в роли свидетелей киберзапугивания (из ответов на вопрос 3). По данному параметру не было различий между возрастными группами. При анализе ответов на первый вопрос также наблюдается полороловая разница среди подростков группы 17–19 летних. Так девочки достоверно ($p < 0,05$) реже становились жертвами киберзапугивания. Отвечая на 2 вопрос, о влиянии киберзапугивания на жизнь подростков наблюдается достоверная разница по половому ($p < 0,01$) и возрастному ($p < 0,05$)

признаку, однако достоверной разницы между группами Г2 и Г3 не обнаружено. Отметим, что доля подростков, которые воспринимали киберзапугивание как очень серьезное и тревожное явление, которое значимо влияло на их жизнь, была достаточно большой (24 % из тех, кто подвергался запугиванию). При этом девочки достоверно ($p < 0,05$) чаще воспринимали последствия киберзапугивания как значимо влияющие на их жизнь. Возрастные различия в восприятии последствий киберзапугивания соответствовали предыдущему распределению: максимально остро и болезненно на киберзапугивание реагировали респонденты возрастной группы 14–17 лет по сравнению с группой 17–19 летних. Достоверной разницы между группами Г2 и Г3 не обнаружено. Анализ ответов на вопрос 4 позволяет сделать выводы, что мальчики чаще выступают в роли кибер-агрессора ($p < 0,05$), чем девочки. Достоверно ($p < 0,05$ с группами девочек 14–17 лет и $p < 0,01$ с группами мальчиков) реже всего в роли кибер-агрессора выступали девочки возрастной группы 17–19 лет. При сравнении девочек групп Г2 и Г3 также появляется достоверная разница ($p < 0,05$). Девочки группы Г3 (профессиональное училище) чаще выступают в роли кибер-агрессора. Среди групп мальчиков максимально роль кибер-агрессора присутствует в возрастном диапазоне 14–17 лет.

Обсуждение результатов. Таким образом, распространенность киберзапугивания составляет 31 %. Важным моментом выступает вывод, что участники исследования могут подвергаться киберзапугиванию одновременно по разным каналам. Это приводит к необходимости в рамках коррекционной и профилактической работы принимать во внимание подверженность риску стать свидетелем киберзапугивания друга (особенно у девочек, которые более склонны к эм-

пации). Анализ данных других исследований киберзапугивания [12; 18] показывают более низкий процент вовлечения подростков. Это может быть объяснено как спецификой исследования, так и общим напряжением в обществе в связи с пандемией, переносом общения между подростками в онлайн формат.

Важным фактором выступает самооценка киберзапугивания как очень серьезного и тревожного явления, которое значительно влияет на жизнь подростков. Это требует включения в профилактические и коррекционные программы мероприятий, направленных на коррекцию психоэмоционального состояния подростков и развитие навыков совладания со стрессом.

Отметим также взаимосвязь между возрастом и виктимизацией в результате киберзапугивания: наблюдается снижение случаев киберзапугивания с возрастом. Разница в полоролевой специфике киберзапугивания также заметна: девочки чаще сталкиваются с киберзапугиванием через друзей и значительно реже выступают в роли кибер-агрессора. Мальчики значительно чаще выступают в роли кибер-агрессора и кибер-жертвы. Эти данные совпадают с исследованиями других авторов (P. L. Lindfors, R. Kaltiala-Heino, A. H. Rimpelä 2012 [18]; M. Krešić Ćorić, A. Kaštelan 2020 [16]) и могут быть объяснены психологическими и физиологическими изменениями, связанными с подростковым возрастом.

Таким образом, виктимизация киберзапугиванием происходит в разных возрастных группах. Профессиональное образование не свободно от данного явления, и, не смотря на некоторое снижение актуальности вопроса, потребность в психолого-педагогических программах по профилактике киберзапугивания и коррекции последствий крайне высока.

Технологии предотвращения и коррекции последствий киберзапугивания. В образовательной среде меры по борьбе с издевательствами и киберзапугиванием обычно включают общешкольный подход с учетом таких факторов, таких как семья и школьное сообщество. Многие образовательные учреждения внедряют программы развития эмоционального интеллекта и коммуникативных навыков как средство снижения буллинга между подростками. Как средство работы с жертвами травли популярным становится использование технологий удаленного вмешательства с помощью приложения для жертв киберзапугивания [23].

Обзор успешных типов вмешательств в ситуации кибербуллинга как ключевые компоненты в снижении издевательства, определили: создание общешкольной политики против буллинга; создание атмосферы сотрудничества в школе с упором на позитивные отношения и активное участие учащихся в определении политики школы; встречи/семинары с родителями; службы медиации [5].

Finne et al. утверждают, что необходима некоторая форма реабилитации, позволяющая изменить атмосферу в классе [13]. Их модель реабилитации в ситуации буллинга и кибербуллинга состоит из трех шагов:

1. Повышение авторитета учителя, при демонстрации последним однозначного негативного отношения к явлению;
2. Создание поддерживающего школьного сообщества, которое способствует дружбе и просоциальному поведению.
3. Обеспечение повышения социальной компетентности и развитие эмоциональной компетентности для всего класса.

C. Audrin, C. Vlaya (2020) в своем исследовании подчеркивают важность создания безопасной и заботливой образовательной среды и предоставления учащимся возможности разрабатывать

стратегии для продвижения и защиты своего социального и эмоционального благополучия [5].

Анализ эффективных вмешательств против виктимизации позволяет выделить несколько обязательных направлений предотвращения и коррекции последствий кибербуллинга.

1. Определение политики образовательного учреждения относительно буллинга и киберзапугивания.

2. Организация тесного сотрудничества педагогов с психологами или школьными социальными работниками, для организации поддержки жертвам киберзапугивания.

3. Проведение семинаров для информирования учащихся о психологических последствиях кибервиктимизации и формирования навыков безопасного поведения в интернете.

4. Тренинги или семинары по формированию адекватной самооценки, активности, психологического благополучия, развития эмоциональной компетентности.

5. Консультирование по принципу «равный-равному», создание служб ме-

диации.

Выводы. Имеются убедительные доказательства как преемственности, так и прерывистости киберзапугивания на протяжении всей образовательной жизни. Максимально киберзапугивание присутствует в возрастной группе 14–17 летних. Минимально в киберзапугивание вовлечены девочки из возрастной группы 17–19 летних. Мальчики чаще выступают в роли кибер-агрессоров, в отличие от девочек, не зависимо от возрастной группы. Наблюдается полоролевая специфика кибервиктимизации. Девочки чаще виктимизируются через соперничество друзьям, которые подвергаются киберзапугиванию и значительно реже выступают в роли кибер-агрессора.

На сегодняшний день мало информации о характере успешных и неудачных стратегий преодоления, используемых жертвами киберзапугивания. Это повышает актуальность разработки технологий профилактики, позволяющих вооружить подростков инструментами для безопасной и социально позитивной навигации в Интернете.

Список источников

1. Андронникова О. О. Онтогенетическая виктимизация личности в ситуации социальнопсихологической депривации ребенка // Перспективы науки и образования. 2019. – № 2 (38). – С. 229–239. doi: 10.32744/pse.2019.2.17
2. Иванова А. К. Буллинг и кибербуллинг как явление образовательной среды: примеры современных исследований проблемы // Интернет-журнал «Мир науки». – 2018. – № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/32PSMN518.pdf>
3. Щипанова Д. Е. Кибербуллинг как фактор риска в образовательной среде // Новые информационные технологии в образовании: материалы VIII международной научно-практической конференции, 10–13 марта 2015 г., Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т [и др.]. – Екатеринбург, 2015. – С. 619–623.
4. Arafa A., Senosy S. Pattern and correlates of cyberbullying victimization among Egyptian university students in Beni-Suef, Egypt // The Journal of the Egyptian Public Health Association. – 2017. – Vol. 92 (2). – Pp. 107–115. doi: <https://doi.org/10.21608/epx.2018.8948>
5. Audrin C., Blaya C. Psychological Well-Being in a Connected World: The Impact of Cybervictimization in Children's and Young People's Life in France // Frontiers in psychology, 2020 – Vol. 11. – Pp. 1427. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01427>
6. Boulton M., Lloyd J., Down J., Marx H. Predicting Undergraduates' Self-Reported Engagement in Traditional and Cyberbullying from Attitudes // Cyberpsychol. Behav. Soc. Netw. 2012 – Vol.15. – Pp. 141–147.

7. *Cassidy W., Faucher C., Jackson M.* Cyberbullying at University in International Contexts. Routledge; London, UK. 2018.

8. *Colliety P., Royal C., Cowie H.* The unique role of the school nurse in the holistic care of the bully // Br. J. Sch. Nurs. 2016. – Vol. 11. – Pp. 443–449. doi: 10.12968/bjns.2016.11.9.443.

9. *Condeza R., Gallardo G., Pérez P. R., Gallardo G., Pérez P. R.* Experiences of Cyberbullying at a Chilean University: The Voices of Students. URL: <https://www.taylorfrancis.com/>

10. *Cowie H., Myers C.-A.* Bullying among University Students: Cross-National Perspectives. Routledge; London, UK. 2016.

11. *Faucher C., Jackson M., Cassidy W.* Cyberbullying among University Students: Gendered Experiences, Impacts, and Perspectives. URL: <https://www.hindawi.com/journals/edri/2014/698545/>

12. *Ferrara P., Ianniello F., Villani A.* et al. Cyberbullying a modern form of bullying: let's talk about this health and social problem // Ital J Pediatr 2018. – Vol. 44. – Pp.14. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13052-018-0446-4>

13. *Finne J., Roland E., Svartdal F.* Relational rehabilitation: Reducing the harmful effects of bullying // Nord. Stud. Educ. 2018. – Vol. 38. – Pp. 352–367. doi: 10.18261/issn.1891-2018-04-05.

14. *Hamm M. P., Newton A. S., Chisholm A., Shulhan J., Milne A., Sundar P.* et al. Prevalence and effect of cyberbullying on children and young people: a scoping review of social media studies // JAMA Pediatr. 2015. – Vol. 169 (8) – Pp. 770–7.

15. *Jenaro C., Flores N., Frias C. P.* Systematic review of empirical studies on cyberbullying in adults: What we know and what we should investigate // Aggress. Violent Behav. 2018. – Vol. 38. – Pp. 113–122. doi: 10.1016/j.avb.2017.12.003.

16. *Krešić Ćorić M., Kaštelan A.* Bullying through the Internet – Cyberbullying // Psychiatria Danubina, 2020. – Vol. 32 (Suppl 2). – Pp. 269–272.

17. *Larranaga E., Yubero S., Navarro R., Ovejero A.* Cyberbullying at University in International Contexts. Routledge; New York, NY, USA: 2019. From traditional bullying to cyberbullying: Cybervictimization among higher education students; pp. 99–111.

18. *Lindfors P. L., Kaltiala-Heino R. & Rimpelä A. H.* Cyberbullying among Finnish adolescents – a population-based study // BMC Public Health, 2012. – Vol. 12. Pp. 1027. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-12-1027>

19. *Myers C. A., Cowie H.* Cyberbullying across the Lifespan of Education: Issues and Interventions from School to University // International journal of environmental research and public health, 2019. – Vol. 16 (7). – Pp. 1217. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph16071217>

20. *Olweus D.* Cyberbullying: An overrated phenomenon? // Eur. J. Dev. Psychol. 2012. – Vol. 9. – Pp. 520–538. doi: 10.1080/17405629.2012.682358

21. *Pörhölä M.* Do the Roles of Bully and Victim Remain Stable from School to University? Theoretical Considerations. Routledge; London, UK: 2016.

22. *Purdy N., York L.* A critical investigation of the nature and extent of cyberbullying in two post-primary schools in Northern Ireland // Pastor. Care Educ. 2016. – Vol. 34. – Pp.13–23. doi: 10.1080/02643944.2015.1127989.

23. *Ranney M. L., Pittman S. K., Moseley I., Morgan K. E., Riese A., Ybarra M., Cunningham R., Rosen R.* Cyberbullying Prevention for Adolescents: Iterative Qualitative Methods for Mobile Intervention Design // JMIR formative research, 2021. – Vol. 5 (8). – Pp. e25900. DOI: <https://doi.org/10.2196/25900>

24. *Rao J., Wang H., Pang M., Yang J., Zhang J., Ye Y., Chen X., Wang S., Dong X.* Cyberbullying perpetration and victimisation among junior and senior high school students in Guangzhou, China. // Injury prevention: journal of the International Society for Child and Adolescent Injury Prevention, 2019. – Vol. 25 (1). – Pp. 13–19. DOI: <https://doi.org/10.1136/injuryprev-2016-042210>

25. *Rivers I.* Bullying Among University Students: Cross-national Perspectives. Routledge; London, UK: 2016. Homophobic and transphobic bullying in universities; pp. 48–60.

26. *Schenk A. M., Fremouw W. J.* Prevalence, psychological impact, and coping of cyberbully victims among college students // *J. Sch. Violence*. 2012. – Vol. 11. – Pp. 21–37. doi: 10.1080/15388220.2011.630310.

27. *Schultze-Krumbholz A., Gobel K., Scheithauer H., Brighi A., Guarini A., Tsorbatzoudis H., Barkoukis V., Pyzalski J., Plichta P., Del Rey R., et al.* A Comparison of Classification Approaches for Cyberbullying and Traditional Bullying Using Data from Six European Countries// *J. Sch. Violence*. 2015. – Vol. 14. – Pp. 47–65. doi: 10.1080/15388220.2014.961067.

References

1. *Andronnikova O. O.* Ontogenetic victimization of personality in the situation of sociopsychological deprivation of the child. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*, 2019, no. 38 (2), pp. 229–239. doi: 10.32744/pse.2019.2.17

2. *Ivanova A. K.* Bullying and Cyberbullying as a Phenomenon of the Educational Environment: Examples of Modern Problem Research. *World of Science Internet Journal*. 2018, no. 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/32PSMN518.pdf>

3. *Shchipanova D. E.* Cyberbullying as a risk factor in the educational environment // *New information technologies in education: materials of the VIII international scientific and practical conference, March 10–13, 2015, Yekaterinburg / Ros. state prof.-ped. un-t [and others]*. Yekaterinburg, 2015. pp. 619-623.

4. *Arafa A., Senosy S.* Pattern and correlates of cyberbullying victimization among Egyptian university students in Beni-Suef, Egypt. *The Journal of the Egyptian Public Health Association*, 2017, no. 92 (2), pp. 107–115. Doi: <https://doi.org/10.21608/epx.2018.8948>

5. *Audrin C., Blaya C.* Psychological Well-Being in a Connected World: The Impact of Cybervictimization in Children's and Young People's Life in France. *Frontiers in psychology*, 2020, Vol. 11, p. 1427. Doi: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01427>

6. *Boulton M., Lloyd J., Down J., Marx H.* Predicting Undergraduates' Self-Reported Engagement in Traditional and Cyberbullying from Attitudes. *Cyberpsychol. Behav. Soc. Netw.* 2012, Vol.15, pp.141–147.

7. *Cassidy W., Faucher C., Jackson M.* Cyberbullying at University in International Contexts. Routledge; London, UK: 2018.

8. *Colliety P., Royal C., Cowie H.* The unique role of the school nurse in the holistic care of the bully. *Br. J. Sch. Nurs.* 2016, Vol. 11, pp. 443–449. doi: 10.12968/bjsn.2016.11.9.443.

9. *Condeza R., Gallardo G., Pérez P. R., Gallardo G., Pérez P. R.* Experiences of Cyberbullying at a Chilean University: The Voices of Students. URL: <https://www.taylorfrancis.com/>

10. *Cowie H., Myers C.-A.* Bullying among University Students: Cross-National Perspectives. Routledge; London, UK: 2016.

11. *Faucher C., Jackson M., Cassidy W.* Cyberbullying among University Students: Gendered Experiences, Impacts, and Perspectives. URL: <https://www.hindawi.com/journals/edri/2014/698545/>

12. *Ferrara P., Ianniello F., Villani A.* et al. Cyberbullying a modern form of bullying: let's talk about this health and social problem. *Ital J Pediatr*, 2018, Vol. 44, p.14. doi: <https://doi.org/10.1186/s13052-018-0446-4>

13. *Finne J., Roland E., Svartdal F.* Relational rehabilitation: Reducing the harmful effects of bullying. *Nord. Stud. Educ.* 2018, Vol. 38, pp. 352–367. doi: 10.18261/issn.1891-2018-04-05.

14. Hamm M. P., Newton A. S., Chisholm A., Shulhan J., Milne A., Sundar P. et al. Prevalence and effect of cyberbullying on children and young people: a scoping review of social media studies. *JAMA Pediatr.* 2015, Vol.169 (8), pp.770–7.
15. Jenaro C., Flores N., Frias C. P. Systematic review of empirical studies on cyberbullying in adults: What we know and what we should investigate. *Aggress. Violent Behav.* 2018, Vol.38, pp. 113–122. doi: 10.1016/j.avb.2017.12.003.
16. Krešić Ćorić M., & Kaštelan A. Bullying through the Internet – Cyberbullying. *Psychiatria Danubina*, 2020, Vol. 32 (Suppl 2), pp. 269–272.
17. Larranaga E., Yubero S., Navarro R., Ovejero A. Cyberbullying at University in International Contexts. Routledge; New York, NY, USA: 2019. From traditional bullying to cyberbullying: Cybervictimization among higher education students; pp. 99–111.
18. Lindfors P. L., Kaltiala-Heino R. & Rimpelä A. H. Cyberbullying among Finnish adolescents – a population-based study. *BMC Public Health*, 2012, Vol. 12, pp. 1027. DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2458-12-1027>
19. Myers C. A., Cowie H. Cyberbullying across the Lifespan of Education: Issues and Interventions from School to University. *International journal of environmental research and public health*, 2019, Vol. 16 (7), pp. 1217. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph16071217>
20. Olweus D. Cyberbullying: An overrated phenomenon? *Eur. J. Dev. Psychol.* 2012, Vol. 9, pp. 520–538. doi: 10.1080/17405629.2012.682358
21. Pörhölä M. Do the Roles of Bully and Victim Remain Stable from School to University? *Theoretical Considerations*. Routledge; London, UK: 2016.
22. Purdy N., York L. A critical investigation of the nature and extent of cyberbullying in two post-primary schools in Northern Ireland. *Pastor. Care Educ.* 2016, Vol. 34, pp. 13–23. doi: 10.1080/02643944.2015.1127989.
23. Ranney M. L., Pittman S. K., Moseley I., Morgan K. E., Riese A., Ybarra M., Cunningham R., Rosen R. Cyberbullying Prevention for Adolescents: Iterative Qualitative Methods for Mobile Intervention Design. *JMIR formative research*, 2021, Vol. 5 (8), pp. e25900. DOI: <https://doi.org/10.2196/25900>
24. Rao J., Wang H., Pang M., Yang J., Zhang J., Ye Y., Chen X., Wang S., Dong X. Cyberbullying perpetration and victimisation among junior and senior high school students in Guangzhou, China. *Injury prevention : journal of the International Society for Child and Adolescent Injury Prevention*, 2019, Vol. 25 (1), pp. 13–19. DOI: <https://doi.org/10.1136/injuryprev-2016-042210>
25. Rivers I. *Bullying Among University Students: Cross-national Perspectives*. Routledge; London, UK: 2016. Homophobic and transphobic bullying in universities; pp. 48–60.
26. Schenk A. M., Fremouw W. J. Prevalence, psychological impact, and coping of cyberbully victims among college students. *J. Sch. Violence.* 2012, Vol. 11, pp. 21–37. doi: 10.1080/15388220.2011.630310.
27. Schultze-Krumbholz A., Gobel K., Scheithauer H., Brighi A., Guarini A., Tsorbatzoudis H., Barkoukis V., Pyzalski J., Plichta P., Del Rey R., et al. A Comparison of Classification Approaches for Cyberbullying and Traditional Bullying Using Data from Six European Countries. *J. Sch. Violence.* 2015, Vol. 14, pp. 47–65. doi: 10.1080/15388220.2014.961067.

Информация об авторах

Андронникова О. О. – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, e-mail: andronnikova_69@mail.ru, orcid: <https://orcid.org/0000-0002-1756-7682>

Information about the Authors

O. O. Andronnikova – candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, e-mail: andronnikova_69@mail.ru, orcid: <https://orcid.org/0000-0002-1756-7682>

Статья поступила в редакцию 20.01.2022; одобрена после рецензирования 15.01.2022; принята к публикации 15.01.2022.

The article was submitted 20.01.2021; approved after reviewing 15.01.2022; accepted for publication 15.01.2022.

